

3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. 2-е изд., с изм. и доп. Минск: ГИУСТ БГУ, 2010.

4. Тарбагаев А., Глисков А. Репутация юридического лица как объект преступного посягательства при клевете и оскорблении // Уголовное право. 2011. № 3. С. 58-61.

5. Шульга А.В. Охрана имущества и имущественных прав в системах норм о преступлениях против собственности и интеллектуальной собственности М., 2012.

УДК 343.15:343.8

НАУЧНАЯ ПРЕЗУМПЦИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ ПРИГОВОРОВ В ПРАКТИКЕ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Тепляшин П.В., начальник ОН и РИО Сибирского юридического института ФСКН России кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматривается концепция неопределенных приговоров в отношении лиц, совершивших преступление. На основе анализа зарубежного законодательства, а также результатов опроса сотрудников УФСИН России делается вывод о возможности использования положений идеи неопределенных приговоров в отечественной правовой системе.

Ключевые слова: неопределенные приговоры; зарубежное законодательство; опрос сотрудников УФСИН России.

SCIENTIFIC PRESUMPTION OF REALIZATION OF IDEA OF UNCERTAIN SENTENCES IN PRACTICE OF EXECUTION OF CRIMINAL PENALTIES

Teplyashin P.V., head ON and RIO of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of the Russia
Kandidat nauk degree in Law, associate professor

In article the concept of uncertain sentences concerning the persons who committed a crime is considered. On the basis of the analysis of the foreign legislation, and also results of poll of staff of OFPS of Russia the conclusion about possibility of use of provisions of idea of uncertain sentences in domestic legal system is drawn.

Keywords: uncertain sentences; foreign legislation; poll of staff of OFPS of Russia.

В настоящее время функционирование уголовно-исполнительной системы в целом открыто для ее обогащения новыми идеями, способными задать дальнейший прогрессивный вектор развития сферы исполнения уголовных наказаний. В связи с этим представляется важным обратиться к идее так называемых «неопределенных» приговоров, безусловно, имеющей радикальный для пенитенциарной системы характер. Однако ее критический анализ позволяет выявить скрытые резервы уголовных наказаний, пенитенциарных систем и их правоохранительной практики.

Идея «неопределенных» приговоров («indefinite sentence») впервые была закреплена в 1894 г. в США и являлась сутью американских реформаторских, существующих по подобию эльмирского исправительного заведения для преступников в возрасте до 30 лет (для «молодых» преступников). Данная тюрьма начала функционировать еще в 1877 г. в Эльмире, ее отличительной чертой было содержание

в ней лиц, осужденных на неопределенные сроки заключения, то есть до их исправления, факт которого определялся администрацией заведения.

В 1970-х гг. в США была проведена реформа системы неопределенных приговоров, в результате которой суд перешел к практике установления для осужденного общих достаточно широких пределов тюремного заключения (например, от 1 года до 20 лет или от 5 до 50 лет). Решение вопроса об освобождении осужденного решается, как правило, ранее избранного судом срока Советом по условно-досрочному освобождению. В 1984 г. американским законодателем был принят Закон «О реформе системы наказания», явившийся частью действующего по настоящее время Комплексного закона о контроле над преступностью. Данные нормативные акты последовательно развивали концепцию максимальной индивидуализации наказания, влияния поведения и исправления осужденного на его условно-досрочное освобождение [5, с. 32].

Необходимо отметить, что рассматриваемая практика широкой индивидуализации наказания отражает особенности американского прецедентного права. Так, одним из современных отличий американской правовой системы от английской является то, что при толковании казуса федеральные суды или суды штатов обращаются непосредственно к тексту Конституции США. Это обстоятельство открыло путь для дальнейшего полностью легитимного формирования американского прецедентного права. Таким образом, почва для концепции неопределенных приговоров была заложена в практике судебных прецедентов, позволяющей значительно расширить фактические пределы уголовного наказания и при этом не попирая роль обвинительного приговора суда. В странах романо-германской системы права рассматриваемая концепция такой основы никогда не имела, поскольку правовой позитивизм привел к формализации не только источников законодательства, но и практики его применения с одновременным сдерживанием возможностей судебно-правового регулирования общественных отношений.

В связи с анализом концепции неопределенных приговоров интересно мнение Е.Т. Байльдинова, который, с одной стороны, совершенно справедливо указывает, что лишение свободы на определенный фиксированный срок не всегда, а во многих случаях вообще не эффективно в смысле достижения таких целей наказания, как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами. С другой стороны, достаточно сложно согласиться с его мнением о том, что срок наказания не должен быть фиксированным, а должен определяться объемом подлежащего восстановлению ущерба – $2N+C$, то есть восстановление осужденным ущерба в двойном размере: одну часть непосредственно потерпевшему ($1N$), другую – обществу ($1N$), а также компенсировать расходы на его содержание в исправительном учреждении (C). Уголовное наказание должно «длиться до тех пор, пока осужденный своим трудом полностью не восстановит этот ущерб. Очевидно, что если срок наказания не фиксированный, а зависит от количества заработанных осужденным средств на восстановление ущерба, то вряд ли осужденный будет стараться уклониться от трудовой повинности» [1, с. 67].

Предложение Е.Т. Байльдинова вызывает критику по причинам методологического и практического характера. В частности, европейская пенитенциарная система не может воспринять такую модель эффективности уголовного наказания. Так, труд осужденных, высокая исправительная значимость которого подтверждается как в европейских пенитенциарных стандартах и правилах, так и в практике функционирования самих систем как одно из средств исправления, не может быть положен в основу универсального эквивалентного механизма исправимости осужденного при не фиксированном временными границами приговоре. Во-первых, его нельзя будет использовать при осуждении лиц, имеющих инва-

лидность либо иные заболевания, препятствующие их трудовой деятельности. Во-вторых, определенная категория осужденных в силу своего криминологического статуса, обусловленного так называемой «тюремной субкультурой», намеренно уклоняется от трудовой деятельности, что может привести к пролонгированию времени отбывания наказания и нежелательному увеличению их концентрации в исправительных учреждениях. В-третьих, даже в условиях неоспоримого признания труда как одного из лучших антикриминальных средств далеко не все исправительные учреждения могут предложить осужденным выполнение труда, который бы не только не имел монотонный и психологически угнетающий характер, но и давал возможность приобрести либо повысить профессиональную трудовую квалификацию (особенно это актуально для пенитенциарных систем стран Восточной Европы). Более того, В.Н. Кудрявцев не без основания отмечал, что «перестройка пенитенциарной системы... должна быть ориентирована не на получение экономической выгоды от труда заключенных..., а исключительно на исправление осужденных... соответствовать европейским и мировым стандартам» [2, с. 342]. Также всемирно известный английский пенолог М. Грюнхут отмечал: «работа для заключенных – милость, ее отсутствие – жестокое наказание. Принудительный труд может доставлять страдание, но лишение работы еще более тяготит заключенного» [6, р. 198]. Следовательно, труд осужденных в современных исправительных учреждениях нерентабелен и поэтому не способен в полной мере компенсировать и тем более «окупить» расходы на содержание заключенных. Таким образом, идея «неопределенных» приговоров, как в ее «чистом», так и «смешанном» виде, в настоящее время неприемлема для европейских пенитенциарных систем.

Вызывают интерес результаты анкетирования 170 сотрудников ГУ ФСИН России по Красноярскому краю, проведенного с апреля по июль 2012 г. Так, на вопрос о том, насколько будет способствовать исправлению виновного лица вынесение в отношении его приговора с неопределенным сроком уголовного наказания, предполагающего освобождение осужденного только в случае достижения исправительной цели, 83 % респондентов ответили отрицательно, и только 7% допустили такую возможность, остальные затруднились ответить. Результаты анкетирования показывают гегемонию материальной составляющей преступления и нежелание «отрывать» приговор от общественной опасности посягательства.

Вместе с тем на вопрос: «Можно ли считать, что идея неопределенного приговора проявляется в возможности условно-досрочного освобождения осужденного в период времени между появлением права на такое освобождение и отбытием всего срока назначенного наказания?» ответили утвердительно 41% сотрудников, тогда как 35% – отрицательно, остальные затруднились ответить. Данные результаты показывают более лояльное отношение к идее неопределенных приговоров и фактически свидетельствуют о ее осознании правоприменителем. Как представляется, применительно к отечественно пенитенциарной системе следует конструктивно отнестись к идее постепенного снижения минимальных сроков отбывания наказания, необходимых для предоставления условно-досрочного освобождения. Минимальные сроки могут составлять нижний предел наказания, предусмотренный санкцией соответствующей части уголовно-правовой нормы, за нарушение которой было назначено наказание. Ведь пределы наказания отражают материальную сущность преступления, показывают его общественную опасность. Минимальные границы наказания демонстрируют тот минимум карательных притязаний государства к преступнику, который достаточен для удовлетворения идеи воздаяния и восстановления социальной справедливости. Более того, расширение возможностей судебного усмотрения с одновременным снижением карательных притязаний к значительной массе лиц, совершивших преступление, продемон-

стрировано фактом принятия Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [3], которым в 68 санкциях уголовно-правовых норм УК РФ нижний «порог» лишения свободы снижен до минимально предусмотренного данным видом наказания двухмесячного срока. Думается, что предлагаемая идея о снижении нижнего формального «порога» условно-досрочного освобождения находится в общем русле уголовно-правовой политики государства последних лет. Хотя можно и критически отнестись к данной политике, в рамках которой происходит нивелирование категорий преступления. Ведь такая политика, отражающая взаимодействие уголовной и уголовно-исполнительной политики, должна согласовываться с последующим карательно-исправительным воздействием на осужденного и, таким образом, демонстрировать эффективность правового воздействия на осужденного, основанного на формально-юридических конструкциях и допустимом правоприменительном усмотрении.

Для успешной практической реализации такого предложения необходимо использовать методику конкурсного отбора претендента на условно-досрочное освобождение. Данная методика может выступать заключительным этапом реализации индивидуальной программы отбывания осужденными лишения свободы. Методика выбора приоритетного заявления при конкурсной оценке результатов поведения осужденного, дающая возможность представления его к условно-досрочному освобождению, может базироваться на многокритериальном подходе к анализу сложных проблем с использованием психофизического закона Вебера-Фехнера, метода анализа иерархий и мультипликативного метода анализа иерархий. Методика позволяет осуществлять выбор приоритетного заявления осужденного путем экспертной оценки превосходства одного критерия иерархии над другим и перехода от вербальных сравнений к числовым измерениям на основе критериально расположенных предположений о поведении осужденного. В методике может использоваться многокритериальный подход, который обладает рядом следующих преимуществ по сравнению с однокритериальным подходом: 1) обеспечивает объективность анализа и оценок; 2) дает возможность количественной оценки качественных различий в сравниваемых вариантах оптимизируемой системы; 3) позволяет косвенно оценить труднооцениваемые и второстепенные факторы; 4) результаты расчетов даются в удобном аналитическом виде. В процессе оценки заявлений задействованы качественные различия в параметрах поведения осужденного, которые могут быть учтены только с помощью многокритериальной оптимизации – совокупности методов, направленных на определение эффективных значений переменных в условиях, когда заранее неизвестна глобальная целевая функция (преимущества конкретного осужденного), а поведение системы определяется сложной по структуре целью (исправление осужденного), которая распадается на существенные подцели, описываемые числовыми функциями [4].

Таким образом, идея неопределенных приговоров может быть положена в основу конкретных шагов в сторону более гибкого подхода в сфере исполнения уголовного наказания. Принципиальным в этом плане видится обозначенная выше трансформация института условно-досрочного освобождения, включая реализацию методики конкурсного отбора претендента на условно-досрочное освобождение.

Литература

1. Байльдинов Е.Т. Проблемы эффективности наказания и устойчивое развитие общества // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 2. С. 65-68.
2. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юрист, 2003.
3. Собрание законодательства РФ. 2011. № 11. Ст. 1495.

4. Тепляшин П.В. Многокритериальный подход при конкурсном отборе осужденных к условно-досрочному освобождению // Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2. № 4. С. 37-44.

5. Тохова Е.А. Зарубежный опыт социально-правового контроля за лицами, освобожденными из исправительных учреждений // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 4. С. 30-36.

6. Grünhut M. Penal Reform. A comparative study. Oxford: At the Clarendon Press, 1948.

УДК 343.812:343.253

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПОЛОЖЕНИЙ О ПРИМЕНЕНИИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ КОДЕКСЕ РФ

Шошин С.В., доцент кафедры Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена правовой регламентации смертной казни в действующем Уголовно-исполнительном кодексе РФ. На основе анализа правовых позиций Конституционного Суда РФ делается вывод, что сегодня фактически заблокирована норма о смертной казни в России.

Ключевые слова: смертная казнь; уголовно-исполнительное законодательство; правовые позиции Конституционного Суда РФ.

UNCERTAINTY OF REGULATIONS ON APPLICATION OF THE DEATH PENALTY IN THE OPERATING CRIMINAL AND EXECUTIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Shoshin S.V., chair associate professor of the Saratov State University
Kandidat nauk degree in Law, associate professor

Article is devoted to a legal regulation of the death penalty in the existing Criminal and executive code of the Russian Federation. On the basis of the analysis of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation the conclusion is drawn that today the norm on the death penalty in Russia is actually blocked.

Keywords: death penalty; criminal and executive legislations; legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Вопрос об отчуждаемости права человека на жизнь с давних пор волновал юристов, политиков, философов.

В 1997 г. Россия подписала Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод об отмене смертной казни. Вместе с тем до настоящего времени в действующем Уголовно-исполнительном кодексе РФ имеется раздел VII «Исполнение наказания в виде смертной казни», включающий в себя одну главу 23 с одноименным названием. Данная глава содержит 3 статьи (ст. 184-186 УИК РФ), регламентирующие собственно исполнение уголовного наказания в виде смертной казни. Каких-либо решений (определений, постановлений) Конституционного Суда РФ по вопросам, касающимся порядка (процедуры) исполнения уголовного наказания в виде смертной казни*, не имеется. Не соответствующими

---

* По состоянию на 15 февраля 2015 г.